

Есть у нашего земляка, лауреата Государственной премии СССР Михаила Львовича Матусовского такие стихи: «Я участии выше не знаю и доли не знаю иной, чем песней друзьям помогаю, идти по сторонке родной». Пожалуй, они с исчерпывающей полнотой выражают суть творчества талантливого советского поэта.

Представляя нашим читателям гостя «Клуба земляков» луганчанина - москвича, редакция «Ворошиловградской правды» гордится тем, что впервые свое стихотворение он опубликовал в нашей газете.

О Михаиле Матусовском лучше всего говорят его стихи и песни. Все его творчество пронизано чувством личной причастности поэта к истории нашей Родины, повседневным делам и заботам народа. От уверенного строя стиха, его глубокой убежденности и значительности веет огромной силой художника, которому есть что сказать людям, есть чем заечь сердца. Удивительно его умение опозитизировать любой будничным факт человеческого бытия. Даром чуткого лирика рождены удивительные «Под-

московные вечера», ставшие своеобразным лирическим гимном советских людей. В новых циклах стихов Михаила Матусовского все чаще встречаются глубинные философские раздумья лирического героя о сути и смысле жизни, о призвании человека на земле, о пройденном пути. Поэт неизменно обращается к теме солдатского подвига в годы Великой Отечественной войны. Его стихи и песни о воинской доблести и славе несут на себе глубокий отпечаток автобиографичности.

О песнях Матусовского хорошо сказал известный кинорежиссер Эльдар Рязанов: «Судьба его песен прекрасна и завидна — они уходят в народ, их поют все, часто не задумываясь над тем, откуда пришли к ним эти легкие, точные, крылатые слова».

Главный, самый строгий и объективный критик — время подтверждает: стихи Михаила Матусовского созвучны сердцам современников.

Сегодня в нашем «Клубе земляков» мы беседуем с уважаемым земляком Михаилом Львовичем МАТУСОВСКИМ.

ними лошадьми; и угловой дом — не доходя городского сквера, где начинал свою деятельность наш ТЮЗ, художественным руководителем которого был режиссер Соломарский, а одной из лучших травести, игравших роли зайчиков, собачек и мальчишек, была маленькая талантливая Леся Маймескул.

Чем мы были увлечены? Мой брат, учившийся в машиностроительном техникуме, организовал «Синюю блузу». Это было зрелище в котором соединились нехитрые спортивные пирамиды, злостные частушки на местные и международные темы, жизнерадостные марши, комические сценки и забавные раешники. Все ребята были наряжены в дешевенькие сатиновые синие рубашки навыпуск. Каждый номер «Живой газеты» начинался обязательной песенкой: «Мы — синеглазые, мы — профсоюзники, мы — бабы — соловьи. Мы — только гайки великой спайки одной грудящей семьи». Пелась она на мотив популярной песни Шкулева «Мы — кузнецы». Среди самодеятельных артистов находился и будущий известный украинский прозаик Вадим Собко. Я пытался что-то сочинять для «Синей блузы».

— Когда и как начиналось ваше литературное творчество?

— Когда я опубликовал первые стихи? Это было довольно давно. Стихотворение «Всего пробег» было напечатано в «Луганской правде», когда мне исполнилось двенадцать лет. Если даже сделать скидку на возраст, все равно стихи были из рук моих плохих. Одно время я пробовал писать стихи на украинском языке и даже имел смелость опубликовать несколько стихотворений в местных газетах. За все это с запозданием мне надо бы просить прощения у терпеливых луганских читателей.

Но детство кончалось. Не потому, что прошлое видится всегда в голубоватой дымке, но и на самом деле это было так: у нас в городе была особая творческая среда. В литературное объединение «Забой» входило немало способных литераторов.

— Кого вы имеете в виду?

— Прежде всего, это, конечно, Юрий Черкасский, наш признанный заплата, писавший тогда уже зрелые лирические стихи. Я слышал, что в сегодняшнем Ворошиловграде есть улица Юрия Черкасского. Это хорошо, когда город не забывает своих поэтов. Я хотел бы увидеть улицу, носящую имя моего давнего друга, когда-нибудь утром, ведь Юра так любил ранние рассветы в своем городе. В те же годы начинали писать и печататься Никола Упеник и Лев Галкин, чьи имена не нуждаются в моей рекомендации перед украинскими читателями. Мы частенько собирались на Булацелевском участке, — интересно, уцелело ли такое место в городе? — где жили родители Упеника и все красивые, как на подбор, братья и сестры поэта. Лева Галкин жил на Садовой, как раз за его домом начинался переулок, ведущий прямо к прохладным берегам тихой Луганки. Мог ли представить тогда Лева, что ему придется сражаться в немецком тылу в роли партизана — артиллериста?

Кроме собственной литературной среды мы имели широкие возможности общаться и с другими писателями Донбасса: тут были критики Селивановский и Баглюк, прозаики Горбатов, Черный, Северов, Байдебура, Торин, Чебакин, поэты Герасименко и Беспощадный. Я кончил, а надо бы начинать этот далеко не полный список с имени Павла Беспощадного — этого поистине народного певца, умевшего одним из первых открыть поэзию в нашей строгой и горячей шахтерской земле. Не случайно ведь Ярослав Смеляков, в последние годы жизни обратившись к поэзии человеческого труда, вспомнил о Павле Беспощадном и посвятил ему прекрасные, чеканные, железные строки. Вот в какой среде мы обретались. Здесь не могли пройти вяленькие и тепленькие стиха о розах и слезах. Донбасс — суровая земля, и он строго спрашивал со своих сыновей.

Старательно подражая во всем Маяковскому, мы считали своим долгом сочинять даже стихотворные рекламы, помога-

ющие развитию советской торговли. Вспоминаю свои наивные строки, рекламирующие «Нарзан»: «Лимонад, сидро, крем-соду, квас и сельтерскую воду, — все сменю на полстакана натурального «Нарзана». Была еще реклама ботинок обувной фабрики «Скорострой»: «В таких ботинках не знаешь горя, надешь — легко, удобно, приятно. Дойдешь пешком до Черного моря и можно спокойно шагать обратно».

— Какое отражение в ваших стихах нашел отрицательный край?

— В разные годы жизни снова и снова возникало желание обратиться к земле твоего детства. Вот в стихах, написанных в 46 году: «Свой путь в степи огнями отмечая и, как обвал, дымясь со всех концов, лежит в цветах сухого молочая Донбасс, Донбасс, — земля моих отцов». А это написано голодом позже: «Как я люблю твои шахты на склонах, южных ветров неуступчивый нрав, добрая родина непокоренных, сильных людей и невянувших трав». И почти через десять лет: «Тополь, рукой мохнатой в наше стучит стекло. Улица, где когда-то детство мое прошло. Вижу, родные вязы, светлый вдыхаю дым. Всем на земле обязан я землякам своим». А это уже в 61 году: «Мир детства, земля труда, истоки живых традиций. Приехать, хоть раз сюда, как свежей воды напиться... Затоны Дона-реки уже хорошо проглотят. Шахтерские горюхи, мои университеты». А здесь строки 74 года: «Сверчки в тени чертополоха ведут беседу. Когда мне станет очень плохо, — в Донбасс уеду». Через год в стихотворении «Короткое лето»: «Южный мир переулком крутых и извилин речки неровной, — здесь запевы всех песен моих, здесь начало моей родословной. Я дышу, разнотравьем сухим, что на летнем настояно зное. И таким пустяком перед ним вдруг покажется все остальное». Это не хочется даже называть сугубо литературным термином — твоя тема, если это — твоя судьба. Это, как объяснение в любви, которое никогда не кончается.

— Когда и как была написана вами первая песня?

— Вы спрашиваете о начале работы в дорогом мне жанре песни. Как и когда это было, с чего началось? Работая военным корреспондентом в газетах разных фронтов — Западного, Северо-Западного, Второго Белорусского, я делал попытки писать песни, но все это были лишь робкие ученические шаги. Первой своей песней, получившей некоторую известность у слушателей, да и сегодня иногда звучащей по радио, считаю написанную в содружестве с композитором Марком Фрадковым — «Вернулся я на родину». Она была сложена нами сразу же после войны, мне хотелось передать в ней настроение моего сверстника, вынесшего все испытания и тяготы, выжившего всем смертям назло и возвращающегося, наконец, в милые заветные края. Композитор, когда писал музыку, видел свой город, а я представлял себе Ворошиловград, улицу Заречную и мою маму «в простой домашней кофточке, в косыночке горошками». Так уж вышло, что моя первая песня тоже связана с родным городом. Я был счастлив и горд, когда ее начал петь Леонид Утесов. Он, как никто другой, сумел понять характер и настроение песни. После него я поверил в силы и возможности песни.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Это вопрос, традиционно задаваемый всеми журналистами, берушими интервью, на мой взгляд, самый трудный. Трудный потому, что говорить о том, что задумано и еще недосказано, преждевременно и странно. Ты что-то наговорил, а вдруг потом ничего не получится? Нет, не стоит торопиться и бежать вперед рукописи. Проще сказать о том, что сделано в последнее время. В январском и майском номерах журнала «Знамя» опубликованы новые циклы стихов «Свободное дыхание» и «Возвращения». Недавно побывал на бывшей земле Северо-Западного фронта, в городе Валдае, где я считаю своим долгом бывать чуть ли не ежегодно, — и написал стихи, продолжающие мои вологодские тетради, начинавшиеся еще зимой сорок первого. Все эти строки, видимо, войдут в состав будущей книги стихотворений. Написал с моим другом и соавтором ленинградским композитором Вениамином Баснером три песни для фильма об Урале военных лет. Снял фильм режиссер Эдуард Гаврилов, а сценарий написан Геннадием Бокаревым, с которым свела меня судьба в МХАТе, когда создавался спектакль «Сталеваля». Для этого спектакля вместе с композитором Колмановским сочинил я песню о заводском гудке, также продиктованную воспоминаниями об оглашаемых гудками ранних ворошиловградских рассветах. Вы, может быть, помните ее: «А все же жаль, что я давно гудка не слышал заводского». Выходит, как ни крути, а все равно, рано или поздно, ты возвращаешься к своим истокам! Этой фразой, поставив в конце ее восклицательный знак, я и хотел бы завершить нашу беседу...

Михаил МАТУСОВСКИЙ

Беседу провел П. Ларин.

Сегодня наш гость —
Михаил Матусовский

ПЕСНЯ ДРУЗЬЯМ ПОМОГАЕТ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ ПЛАНЕТЫ

Зенитки ударили где-то.
И дело опять началось.
Горячие точки планеты
Прожгли мое сердце

Солдат умирает от раны,
На дальнем упав рубеже.
И кровь его с телеэкрана
Стереть невозможно уже.

К груди прижимает дитя.
И поднята в виде протеста.
В подмошке повязке культа.
Не может не думать

Земля о грядущем конце,
Когда она видит ожоги
От фосфорных бомб на лице.
Напалмовым дымом одеты
Столетние чащи опять.
Горячие точки планеты
Спешат многоточием стать.
То пламя, что дом этот
Гложет,

Сводя погорельцев с ума,
Легко переборщить может
На чьи-то другие дома.
Убийцы в зеленых беретах
Все рушат и губят подряд.
Горячие точки планеты
Под их сапогами горят.
Они в беззащитных и слабых,
Не целясь, стреляют в упор.
И бредит в глобальных
масштабах

Зарвавшийся киноактер.
Свеченьем сигнальной
ракеты

С утра начинается бой.
Горячие точки планеты —
Моя неизбывная боль.

АРМЕЙСКИЕ ПОЭТЫ

Хорошо, что в армейских
газетах
В годы самых жестоких утрат
Специально на должность
поэтов

Были лирики приняты в штат.
Что они без поблажки
и скидки
Материал свой готовили
в срок,
Не гнушаясь ни жанром
агитки,
Ни раешником в несколько
строк.

Что с героем своим
на пригорке
Приходилось лежать
им ничком.

Что их Муза была
в гимнастерке
С потемневшим
подворотничком.

Что на тесных газетных
страницах
Трубадуры дивизий и рот,
Не боясь никогда

повториться,
Рифмовали «народ»
и «вперед».

Что творили в какой-нибудь
части,
Воевавшей в болотной глуши,
Повинуясь приказу
начальства

Или просто — веленью души.
Что их путь был мучительно
тяжким,

Долгой службе солдатской
сродни.

Что на полосах
многотиражек
Умирали безвестно они...
Будет время, когда

стихovedы,
Завершая итоговый труд,
Эти скромные строки

Победы
Как осколки гранат, соберут.

«ПРОЩАНИЕ
СЛАВЯНКИ»
Виртуозы звзвзда
музыкантского,
Наши беспокойные соседи,
Вы надрайте мелом,
как положено,
Инструменты из певучей
меди.

И, прошу вас, для меня
исполните,
Где-нибудь устроюсь
на полянке,

Музыку Василия Агапкина,
Старый марш «Прощание
славянки».

Только туба захлебнется
жалостью,
Только ей откликнется
валторна,

Как моя судьба неугомонная
Предо мною вновь пройдет
повторно.

Мне во всех подробностях
припомнятся
Станции, разезды,
полустанки

И меня везде
сопровождающий
Верный марш «Прощание
славянки».

То он ликовал фанфарным
золотом,
То рыдал над нами
похоронно.

И отныне с ним навеки
связана
Стужа опустевшего перрона.
Где мы расставались —
на Молчановке

Или на прудах на
Патриарших?

С той поры для нас с тобою,
видимо,
И таится горечь в русских
маршах.

Тромбонистам партитура
рваная
Так знакома до последней
ноты.

Музыка во все одетой
серое
Пыльно марширующей
пехоты.

Он возник в строю колонн
шагающих
Иль в диму короткого
привала,
В час, когда простого
капельмейстера
Муза в потный лоб
поцеловала.

